

Глеб Сиваков

РЕФОРМАТОР ЖЕНЕВЫ

Среди имен, связанных с Реформацией, меня особенно интересует одно — имя Жана Кальвина.

Кальвин, как и большинство исторически значимых личностей, — фигура противоречивая. Среди многочисленных описаний его жизни и деятельности можно встретить как очень положительные (вплоть до хвалебных), так и крайне негативные (как у немецкого писателя Стефана Цвейга, который усматривал в Кальвине чуть ли не прототип Гитлера).

Но я думаю, что когда дело касается людей, оставивших такой яркий след в истории, во-первых, невозможны односторонние оценки, а во-вторых — каждый из нас вправе иметь такой образ реформатора и такое понимание его исторической роли, которые преломлялись бы через наши собственные интересы и ценности.

Присоединяясь к тем, кто видит в Кальвине систематизатора идей Реформации, сумевшего внести неопределимый вклад в решение задач церковной организации и устройства, я выделяю для себя как самое интересное и важное в фигуре Кальвина его связь с конкретным городом — Женевой, а именно — то влияние, которое он оказал на этот город и которое распространилось далеко за его пределами.

Идеи Реформации, провозглашенные Лютером, Кальвин подхватил и «приземлил» на территории конкретного города, внедрив в общественную жизнь библейские принципы, благодаря чему Женева стала европейским центром Реформации. И хотя сейчас, спустя почти 500 лет, мы не найдем тех же элементов городской жизни, что и

*Le premier livre de la guerre
est plaisante, & gracieux
anciennement le Lac Lemman, elle est basse
milieu desquelles le Rhosne passe, sur lequel il y a un pont de bois
pariens recitent, que ceste ville a esté refaite par l'empereur Aurelien
de tout le pays de Savoie. Mais pour mieux entendre cecy. il y a bi*

при Кальвине, последствия влияния этого великого реформатора можно обнаружить в различных сферах жизни не только Женевы, но и Швейцарии в целом.

Не будучи ни богословом, ни историком, я, конечно же, нисколько не претендую здесь ни на историческую, ни на богословскую глубину или какую-то новизну приводимых фактов. Мой взгляд — это взгляд бизнесмена, который верит, что бизнес может нести миссию по преобразению городов. Мне важно увидеть, какие черты в личности Кальвина помогли ему осуществлять его миссию, и какие моменты устройства жизни известного города обеспечили явное благословение Божье на несколько поколений жителей не только самого города, но и страны в целом. Конечно же, перед нами, размышляющими сегодня о Реформации, не стоит задача по копированию опыта пятисотлетней давности, даже если бы он и был однозначным и во всем приемлемым. Мы должны ставить вопрос о преобразении тех городов, в которых живем, и искать пути внедрения в их жизнь библейских принципов, как это делал Кальвин.

Данное убеждение заставляет меня формировать собственное отношение к известным фактам из биографии Жана Кальвина, а также побуждает постоянно удерживать во внимании временной контекст: Европа 16-го века — отнюдь не современная нам Европа с ее демократическими идеалами.

Итак, величина преобразований, совершенных в Женеве под руководством Кальвина и непосредственно им, заставили Европу говорить о Женеве как о «протестантском Риме», а Кальвина называть «Женевским папой», приписывая ему черты диктатора и тирана в городе, «в котором никто не смеялся» (по замечанию Вольтера).

Однако, я обращаю внимание на тот факт, что оба раза Кальвин оказывается в Женеве вовсе не потому, что он рвется утолить свое властолюбие. Будучи молодым французским теологом и юристом, любящим уединение и кабинетную работу, первый раз он оказывается в Женеве проездом в 1536 г. Он остается в городе только по настойчивому увещанию своего будущего друга Гийома Фареля, на то время предводителя Реформации в этой части страны. Фарель к тому моменту отчаянно нуждается в поддержке, и Кальвин, уже ставший известным благодаря своему «Наставлению в христианской вере», видится ему идеальным партнером в деле религиозного обновления Женевы. В письме другу будущий «женевский папа» пишет: «На своем опыте я убедился, что мы не способны видеть, что нас ждет даже в самом ближайшем будущем. Тогда, когда я предвкушал себе легкую безмятежную жизнь, впереди меня было то, чего я менее всего ожидал».

Когда же обоих друзей выдворили из города за слишком рьяные, по мнению городского совета, попытки очистить нравы, Кальвин, хорошо

устроившийся в спокойном Страсбурге, совсем не рвался возвратиться в Женеву, но напротив — жители города звали его долго и настоятельно, поскольку убедились, что без него невозможно поддерживать порядок ни в церковной, ни в городской жизни. Опять же он говорит друзьям, что «предпочел бы не ехать в Женеву», добавляя: «Но поскольку я знаю, что я себе не принадлежу, я приношу мое сердце как искреннюю жертву Богу». Эти слова стали девизом всей жизни Кальвина, а на его эмблеме изображена протянутая к Богу рука со словами «искренне и с готовностью».

В обоих случаях Кальвин соглашался на свое пребывание в прославленном им городе исключительно потому, что усматривал в том Божье повеление. Так и вся его жизнь стала примером глубочайшего желания быть послушным исполнителем Божьей воли и Его слова. Как я понимаю, именно ревностное отношение к Писанию побуждало реформатора устанавливать законы и правила, целью которых было сделать Женеву прообразом «Града Божьего». Написано в Библии, что не должно стремиться к нарядности в одежде и украшательству себя через прически — значит, надо регламентировать порядок в том и другом, указывается на смехотворство как недостойное занятие — надо прописать ориентиры для граждан и по этому поводу.

Для Кальвина не существовало границы между церковной и гражданской жизнью. Он был убежден: «От Слова, проповедуемого в Церкви, Царство Божие распространяется и полностью пронизывает все аспекты семейной и общественной жизни. Там, где жизнь освящена Евангелием и силой Святого Духа, мы видим признаки Царства Божьего». Отсюда и все предложения по введению судебного наказания за нарушения порядка Божьего, как он его понимал: за танцы, игру в карты по воскресеньям, постоянное времяпрепровождение в тавернах, за сквернословия и проклятия, божбу и гадания и т.д. и т.п. Запрет театральных представлений, большими любителями которых были женеvцы, тоже вполне логично помешался в череду изменений городской жизни. А как можно было обойти вниманием кабаки — «самые гнусные рассадники нечистоты» в городе? Открытые вместо них городские питейные заведения должны были удовлетворять потребность горожан в общении, но при этом не способствовать ничему, что расходилось бы с обликом христианина. Это было бы весьма затруднительно без четкого перечня того, что допустимо (и одобряемо) во время посещения заведений, а что нет: вместо клятв, похлопываний по плечу, сальных шуток, танцев, неприличных обращений к дамам, пения непристойных песен — духовные разговоры и

поскольку я знаю, что я себе не принадлежу, я приношу мое сердце как искреннюю жертву Богу

лежащая рядом Библия. Если и карточная игра, то не более часа, перед едой и выпивкой обязательна молитва, ну и для формирования правильных привычек — официанты, которым в обязанность вменялось следить за выполнением правил и делать замечания нарушителям. Для такого отдыха считалось достаточно времени до девяти вечера, после чего полагалось отправляться по домам (во вполне трезвом состоянии) и ложиться спать.

Регламентацию того, что правильно и неправильно, должно и неприлично, можно посчитать мелочной. Но, может быть, строгость предписаний просто была пропорциональна отклонениям от нормы для города, где подавляющее большинство жителей считали себя христианами?

Что представляла из себя Женева накануне приезда Кальвина? Город, в котором больше 10 тысяч жителей, приехавших со всей Европы, достаточно богатый. Обратной стороной обеспеченности является любовь к развлечениям, далеко не всегда безобидным, пьяные дебоши — явление обычное. В одном из районов каждый третий дом был кабаком. А одно из

**достижение
материального
благополучия города
Кальвин видел в развитии
предпринимательства,
трудовой протестантской
этики и банковского дела**

распоряжений городского Совета запрещало священникам и монахам посещать район красных фонарей. Какова же была мораль большинства подопечных подобных священников?

И, должно быть, совсем неслучайно, что городской совет пришел к признанию необходимости мер, предлагаемых Кальвином еще в первый период его жизни в Женеве, и, предприняв усилия по возвращению изгнанного реформатора, пошел на их внедрение в городскую жизнь. Также на этот раз было решено

принять как требование к жителям города публичное исповедание своей верности Евангелию и Иисусу Христу, с последствием в виде изгнания для отказывающихся.

Понятно, что далеко не все жители были в восторге от того, что их привычки должны были так радикально измениться, а верность христианским идеалам так жестко проверялась. Оправдана ли была эта жесткость принимаемых мер, или же это было просто попранием свободы с позиций клерикальной власти? Тут как раз уместно вспомнить о контексте времени. Европа далеко не спокойна и мирна. Повсюду пылают костры инквизиции. Распространение идей Реформации невозможно без больших усилий и жертв. Было бы оно возможно без радикальных мер по защите и утверждению ее идеалов и норм? Возможно ли ответить на этот вопрос с

позиций нашего времени? И что следует отнести к радикальным мерам, а что считать явным перебором?

Для некоторых такой вопрос не стоит, особенно относительно одной ситуации, послужившей к самому яростному обвинению «женевского папы» — я имею в виду историю с Серветом. Напомню опять же, что мы говорим о такой Европе, в которой смертная казнь была повсеместной практикой. С 1542 по 1546 год в Женеве было казнено 58 человек. Эпидемия чумы, захватившая Европу в 40-х годах, требовала особых мер по предотвращению распространения инфекции, и 34 человека были казнены по обвинению в заговоре и колдовстве (стали жертвой мнения о связи эпидемии с заражением дверных ручек).

Казнь Сервета, испанского теолога и ученого, внесшего вклад в науку о малом круге кровообращения, не имела отношения к эпидемии. Его изображают, как мученика науки, а Кальвина представляют, как фанатика, безжалостно расправившегося с инакомыслием, подведя, таким образом, Реформацию к «моральному тупику».

Но редко упоминается тот факт, что Сервет был одним из известнейших еретиков Европы, которого еще до появления в Женеве католическая инквизиция приговорила к смертной казни. Выступления Сервета против Божественной Троицы были для того времени предельной ересью и кощунством. С Кальвином у него уже был содержательный спор, результатом которого вряд ли могло быть что-то, кроме закрепления за Серветом статуса еретика. Зачем же, приехав к женевским друзьям, так называемым «вольнодумцам», ярым противникам Кальвина, он явился на службу, которую проводил Кальвин? Что бы он себе не думал, прихожане не пропустили такого вызова и задержали возмутителя спокойствия, а Городской Совет приговорил его к смертной казни через сожжение. Перед казнью Кальвин встречался с Серветом, просившим о снисхождении в наказании, предлагал ему отречься от своих взглядов. Последовавший отказ привел к логическому результату — сожжение состоялось.

Даже если действия Кальвина в этой истории и были ошибочны, «бросать в него камни» могут только те, кто, неся груз огромной ответственности, никогда не ошибался в ситуациях сложного выбора. В любом случае, его ошибки и перегибы не умаляют созидательный вклад в дело Реформации и жизнь Женевы.

**если мыслим себя
священниками в
соответствии с идеями
Реформации о всеобщем
священстве, значит, будем
стремиться принимать
участие в городском
самоуправлении**

Достижение материального благополучия города Кальвин видел в развитии предпринимательства, трудовой протестантской этики и банковского дела. Яркий учитель и сильный проповедник разработал простые и понятные правила рабочей этики, которые активно проповедовал среди своих прихожан. Главный постулат: все принадлежит Богу — работа, имущество, жизнь. В центре всего для верующего человека должен находиться Бог, поэтому лень в работе — знак неуважения к Нему. Давать деньги в долг под проценты — это пример правильного управления, обратное же — расточительство. В то же время, правильно распоряжаясь имуществом, стремясь к получению дохода, следует быть сдержанным в расходах, не допуская лишнего. Отражение личного аскетизма Кальвина можно увидеть через много веков в подходе к бизнесу и у современных швейцарцев.

Свидетельство этому я получил в беседах с местными бизнесменами во время поездки в Женеву летом 2013 года. Общаясь с банкиром-арабом, я разделял его уважение к швейцарцам как нации, являющей из себя пример национального единства, управляющей своим государством через прямую демократию, создавшей уникальную экономическую модель. Во всем этом я вижу след не очень длинного, но такого яркого периода в истории Реформации, события которого базировались в швейцарской столице и инициировались Жаном Кальвином.

Что стоило бы взять нам из женевского опыта в сегодняшний день для воплощения мечты о преобразении наших городов силой Евангелия? Безусловно, посвященность и высокие стандарты христианской жизни. Отношение к имуществу и финансам как тому, что должно служить распространению Царства (через служение людям) и приносить прибыль. Если мыслим себя священниками в соответствии с идеями Реформации о всеобщем священстве, значит, будем стремиться принимать участие в городском самоуправлении, в котором я вижу путь и к национальному единству (что очень актуально для Украины). Отношение к работе как служению делает молитву на рабочем месте не исключением, а абсолютной нормой.

Реформаторы преобразовывали мир во времена, когда религия играла первостепенную роль в жизни государства. Мы живем во времена экономики как главной движущей силы развития. Создавая альтернативные экономические модели, в основе которых будут лежать библейские принципы, мы сможем задавать направление развитию по крайней мере в тех городах, в которых живем и служим. Я верю, что занимая пророческую позицию, мы сможем внести в историю свой вклад по созданию нового лучшего общества на библейских принципах.